

Двадцать второго июня

Двадцать второго июня,
ровно в четыре часа...
Жил он в мечтаниях юных,
и совесть была чиста.

С девушкой долго прощался
и называл женой.
Жаль, не успел до счастья
сделать свой шаг земной.

Был он... А где-то лето —
год сорок первый, Ока?
Мальчик, в гранит одетый,
Памятью стал на века.

Да, падал я в росные травы,
горячие губы лоя,
российские добрые бабы,
лаская, жалели меня.

И был я тоской очарован,
ныряя в межзвёздную грусть,
в желании снова и снова
красиво солгать, что вернусь.

Куда я вернусь? Сам не знаю.
Пусть ветер пространством шуршит
и пул экстрасенсорных знаний
бьёт в душу: «Не лыком ты шит!

Прописан в сибирском раздолье,
привязан к московской земле,
а сердце приковано болью
к российской столикой семье.

Губили тебя не стугбили
ни бабы, ни ночи, ни брют...»
Нет, я не пытался в могиле
найти свой последний приют.

Скажу от души, откровенно:
кто росные травы не мял
и баб не любил вдохновенно,
свой шанс на забвеньё сменял.

Далёкая

Ты такая далёкая,
как степной горизонт.
И погода нелётная —
для любви не сезон.

Письма стопкой уложены —
то снега, то дожди.
Ждать любовь — дело сложное.
Всё равно подожди.

Не спеши за околицей
потерять ночью след.
Вдруг там что-то расколется,
и любовь в том числе.

Слов потом не расстеливай —
всё равно не пойму.
Храм любви, как ни склеивай,
не вернёшь никому...

И какая нелёгкая
распогодила нас?
Ты такая далёкая!
Звёзды ближе подчас.